

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б.И. Колоницкий

**СИМВОЛЫ ВЛАСТИ
И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ:**

**К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

В библиотеку
Европейского университета
в Санкт-Петербурге
от Санкт-Петербургского
института истории.

Б.И. Колоницкий

Лики России
Санкт-Петербург
2012

ВВЕДЕНИЕ

Революцию 1917 г. невозможно представить без звуков «Марсельезы» и красных флагов. И их не следует воспринимать лишь как колоритную деталь, украшающую повествования мемуаристов и историков об этом сложнейшем политическом процессе.

Основной вопрос всякой революции — вопрос о власти. Справедливость этого утверждения, казалось бы, подтверждается обилием монографий различных историков, приверженцев самых разных политических взглядов, сторонников всевозможных исследовательских подходов. В центре их внимания — институты власти (Временное правительство, военное командование, Советы, комитеты) и основные участники борьбы за власть, прежде всего крупнейшие российские политические партии и их лидеры. Именно такие сюжеты освещены в большей части томов гигантского собрания книг, посвященных Российской революции.

Однако можно ли термин «власть» понимать только как власть государственную? Даже применительно к мирным, «нормальным» периодам истории подобный подход вызывает серьезные возражения, но тем с большой осторожностью следует относиться к феномену власти революционных эпох. Саму революцию можно охарактеризовать как специфическое состояние власти, при котором государственность находится в особом, «расплавленном» состоянии. Соответственно, политические институты эпохи революции невозможно описать с помощью понятий конституционного права, так как они весьма отличаются от элементов стабильных политических систем. Например, в период революций довольно сложно отличить политические институты от политических организаций, на это справедливо указывают историки революции¹. Общественные организации нередко присваивают себе полномочия государственной власти, иногда и преобразуются в государственные структуры нового строя, а некоторые неустойчивые политические образования, созданные революцией, присваивают себе новые функции, формализуют свою деятельность, «застывают» и служат основой создания новой государственности. Структуры специфического гражданского общества эпохи революции присваивают себе полномочия органов государственной власти, что и создает предпосылки для гражданской войны.

---

¹ См.: *Миллер В.И.* Осторожно: история! М., 1997. С. 43–44.

Если власть — это способность проводить свои решения с помощью насилия, закона и авторитета, то возможности старых властвующих элит в период революций представляются весьма ограниченными; государство перестает быть единственным источником права, появляются конкурирующие центры правотворчества, претендующие при этом на монополию. В этот период в стране действует несколько параллельных правовых систем, каждая из которых считает себя легитимной. В результате общество оказывается в различных правовых измерениях.

Революция, даже «мирная», предполагает применение силы. Однако именно тогда государство и теряет свою монополию на насилие, появляются альтернативные военные и полицейские формирования, которые часто бросают открытый вызов центральной власти. Да и собственные силовые структуры государственным органам власти приходится постоянно убеждать в законности своего права на использование насилия. Особенно ярко это проявилось в ходе Российской революции 1917 г. К тому же многие либеральные министры первых составов Временного правительства были первоначально принципиальными противниками использования властью насилия, и лишь в ходе революции они постепенно и не без труда меняли свои взгляды. Некоторые министры-социалисты также высказывали подобные идеи. Так, еще в середине мая 1917 г. военный и морской министр А.Ф. Керенский провозгласил в Севастополе: «Товарищи, легко управлять дикарю. Он думает, что достаточно для этого иметь палку, и всякий с палкой будет капралом... Временное правительство раз и навсегда отказалось от всех способов, которые могут напомнить способ управления царей. Мы предпочитаем погибнуть, но к насилию мы не прибегнем»². Конечно, в заявлениях такого рода содержалась известная доля лукавства: даже если бы Временное правительство и решилось сделать ставку на силу, его реальные возможности воплотить подобный курс в жизнь были весьма ограничены. Отсутствие силы Керенский пытался восполнить укреплением своего авторитета.

Действительно, в условиях революции важнейшим источником власти становится именно авторитет. Власть как никогда зависит от общественного мнения, быстрые и непредсказуемые колебания которого приобретают значение важнейшего политического фактора. Власть должна постоянно доказывать свою легитимность: она заключает, расторгает и перезаключает общественный договор чуть ли не ежедневно. Соответственно, для понимания особенностей функционирования власти в эти периоды необходимо изучение массового сознания. Важность этого подхода была осознана рядом историков. В российской историографии первая важная попытка подобного исследования была предпринята Г.Л. Соболевым, изучавшим революционное сознание рабочих и солдат Петрограда³. Однако содержание его работы значительно шире обозначенной заголовком книги темы: речь в ней идет не

---

² Цит. по: *Коновалов В.Г.* Подвиг «Алмаза». Одесса, 1989. С. 50.

³ *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (Период двоевластия). Л., 1973.

только о массовом политическом сознании, но и о политической культуре революционной эпохи. И это совершенно оправданно.

Представление о феномене политической культуры появилось одновременно с возникновением науки о политике, утверждается даже, что это лишь новый термин для весьма старой идеи. Так, в некоторых работах, посвященных истории изучения политической культуры, изложение начинается с характеристики работ Платона. Словосочетание же «политическая культура» ввел, по видимому, И.Г. Гердер. В России оно появилось значительно позже. Во всяком случае в книге В.В. Ивановского «Вопросы государствоведения, социологии и политики», изданной в Казани в 1899 г., этот термин уже встречается, хотя автор, употребляя его, имеет в виду лишь политическое воспитание и образование. В начале XX века словосочетание «политическая культура» использовали российские авторы М. Острогорский, В. Мирон, А. Рыкачев, П. Струве. Для последнего этот термин имел особое значение, он использовал его неоднократно. Это словосочетание употреблял в 1920 г. и В.И. Ленин⁴.

Однако специальный термин «политическая культура» стал широко употребляться в научных исследованиях лишь с 60-х гг. XX в. Он был введен в научный оборот американским политологом Габриелем Алмондом в 1956 г., и стал особенно популярным после публикации книги, написанной им в соавторстве с Сиднеем Вербой⁵. Согласно Алмонду, каждой политической системе свойственна определенная политическая культура, определенный образец ориентаций на политическое действие. В качестве элементов политической культуры он выделял восприятие различных аспектов политической жизни на уровне знаний и представлений, эмоциональный настрой (политические симпатии и антипатии) и оценочное (нормативное) отношение к политическим явлениям и структурам. Термин «политическая культура» сразу же начал активно применяться специалистами разных областей общественности и использовался столь широко и вольно, что вскоре можно было уже говорить о злоупотреблении «модным» понятием. Оно оказалось необычайно востребованным, заполнило известный терминологический вакуум, образовавшийся в различных дисциплинах. Интерес к этой проблематике стимулировался необходимостью изучения дестабилизированных политических режимов, сопутствующие процессы было невозможно описать, лишь исследуя формальные политические институты. Соответственно, создание понятия «политическая культура» вводило в анализ политических систем элементы антропологии культуры. При этом единое понимание термина «политическая культура» до сих пор отсутствует — различные исследователи понимают его совершенно по-разному. Эта многозначность, «размытость» служит косвенным доказательством популярности, востребованности данного понятия⁶.

⁴ См.: Дюка А.В. Политическая культура: Проблемы генезиса и принципы типологии: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1995. С. 3–8.

⁵ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

⁶ О различных подходах к изучению феномена политической культуры см.: Kavanagh D. Political Culture. London; Basingstoke, 1972; Зарубежная научная литература о политической культуре стран Запада: Реф. сб. М., 1981.

В силу указанных выше причин изучение политических культур и субкультур необычайно важно для историков революций: в эти периоды политические институты «расплавленной государственности» распадаются, порой почти растворяются в политической культуре, и в то же время создаются условия для «застывания», «кристаллизации» новых политических культур и субкультур, создания на их основе других политических институтов, нового политического строя. Возникающие политические системы несут глубокий отпечаток политико-культурных конфликтов революционного времени. Изучение политической культуры помогает также понять крайне важный для эпох революций процесс перехода от психологии индивидуумов к действиям коллективов. Наконец, политическая культура оказывает необычайно сильное воздействие на общественное мнение, на отношение к текущим политическим процессам. Иногда ценности политической культуры могут иметь столь большое значение для индивидуума, что он стремится к искаженному восприятию политической реальности, чтобы любой ценой сохранить эти ценности.

У историков Российской революции 1917 г. существует особый стимул к изучению политической культуры, политических символов и политических ритуалов. Дело в том, что эти сюжеты давно уже привлекают внимание известных исследователей Французской революции XVIII в., достаточно вспомнить классические исследования Альбера Матьеа, появившиеся еще в начале XX в.⁷ Новый импульс изучение этой темы получило в 70-е и 80-е годы минувшего столетия, когда были созданы, например, интересные исследования, посвященные празднествам Французской революции, образам Марианны⁸.

Следует признать, что и русскими, и зарубежными историками Российской революции 1917 г. в изучении данной проблематики сделано значительно меньше. Исключение составляют несколько работ. Прежде всего это уже упомянутая монография Г.Л. Соболева. Большое значение имеет новаторская работа американского исследователя Р. Стайтса, который рассмотрел различные аспекты истории культуры эпохи революции⁹.

Изучению политических символов эпохи революции посвящены исследования П.К. Корнакова. Жаль, что его замечательная диссертация о знаменах 1917 г. до сих пор не нашла своего издателя, лишь отдельные ее фрагменты публиковались в виде статей. Исследователь выявил большое количество знамен и флагов в различных архивах и музеях, во многих

---

⁷ *Mathiez A.* Les origines des cultes révolutionnaires (1789–1792). Paris, 1904.

⁸ *Agulhon M.* Marianne into Battle: Republican Imagery and Symbolism in France, 1789–1880. Cambridge, 1981; *Ozouf M.* Festivals and the French Revolution. Cambridge, Mass., 1988 (рус. пер., М., 2003); *The New Cultural History* / Ed.L.Hunt. Berkeley, 1989; *Baker K.* Inventing the French Revolution: Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century. Cambridge, 1990; *Mason L.* Singing the French Revolution: Popular Culture and Politics, 1787–1799. Cornell, 1996.

⁹ *Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in Russian Revolution. New York; Oxford, 1979; *Стайтс Р.* Революционная культура и ее место в истории культурных революций // Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть. С.-Петербург, 1994. С. 372–382.

случаях тщательно восстановил историю их создания и преобразования¹⁰.

Для рассматриваемой темы большое значение имеют труды Н.А. Соболевой и В.А. Артамонова, посвященные истории российской государственной символики. С.А. Солнцева, опираясь на архивные источники, рассматривала вопрос о том, как Февральская революция повлияла на военную символику¹¹. Так же представляет большой интерес богато иллюстрированная книга В.П. Лапшина, посвященная художественной жизни Москвы и Петрограда в 1917 г.; в ней рассматривается влияние революционных событий на изобразительное искусство¹².

Изучению политической культуры и языка эпохи революции уделяет немало внимания в своих работах и британский историк О. Файджес¹³. Совместно с автором настоящего исследования он подготовил и книгу, специально посвященную языку и символам Российской революции¹⁴. Кроме того имеется целый ряд работ, посвященных празднествам революционной России, правда, основное внимание в них уделяется большевистскому этапу революции¹⁵.

Если у исследователей и нет единого подхода в определении понятия «политическая культура», то все же существуют некоторые общие положения, которые разделяются большинством ученых. Пожалуй, все признают, что важнейшим элементом политической культуры является политическая традиция. Наконец, никто не отрицает, что политические символы — важный компонент политической культуры. Символы — это неотъемлемая часть формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой политической общности. Некоторые же авторы даже предлагают рассматривать всю политическую культуру как символическую систему. В рамках этого подхода политическая культура трактуется как «система политических символов, входящая в более широкую систему, которую можно обозначить термином политическая коммуникация»¹⁶. Но при всем разнообразии исследовательских подходов не-

---

¹⁰ Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // *Анатомия революции: 1917 год в России...* С.356-365. Автор особенно тщательно изучил знамена эпохи: Корнаков П.К. 1) 1917 год в отражении вексиллологических источников (По материалам Петрограда и действующей армии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1989; 2) Опыт привлечения вексиллологических источников для решения геральдических проблем // *Труды Государственного исторического музея*. М., 1986. Вып. 61. С.134-144; 3) Знамена Февральской революции // *Геральдика: Материалы и исследования*. Л., 1983. С.12-26; 4) Краски войны // *Родина*. 1990. N 10. С.26-28, 34, 50-51; 5) Автограф художника // *Музейное дело в СССР*. М., 1980. С.140-146.

¹¹ Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России: Очерки истории государственной символики России. М., 1993. 208 с.; Соболева Н.А., Казакевич А.Н. Символы и святыни Российской державы. М., 2007; Солнцева С.А. Военная символика Февральской революции // *Военно-исторический журнал*. 1999. № 5.

¹² Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.

¹³ Figes O. 1) *A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924*. London, 1996. 923p.; 2) *The Russian Revolution of 1917 and its Language in the Village* // *Russian Review*. 1997. Vol. 56. № 3.

¹⁴ Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London, 1999.

¹⁵ Van Geldern J. *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley, 1993.

¹⁶ Гаджиев К.С. *Политическая наука*. М., 1995. С. 340–341.

возможно отрицать, что политические символы, важнейшие составляющие ментального устройства, — это бесспорная часть политической культуры. Соответственно, для любого исследователя, изучающего политическую историю, символы представляют особый интерес: они служат своеобразными ключами для интерпретации различных политических культур.

В политической жизни символы выполняют разнообразные функции. Они могут быть средством идентификации, способствовать развитию группового сознания, солидарности и чувства принадлежности к единому социальному целому. Так, символика указывает на коллективную идентичность, являясь ее знаком. В некоторых ситуациях именно символы становятся важнейшим фактором, определяющим, конструирующим, создающим политические сообщества. Люди интегрируются в крупные политические или социальные образования «опосредованно» — через общую идентификацию с символами¹⁷.

Демонстративная функция политических символов очевидна: с их помощью, например, указывается и подтверждается факт политических изменений. Так, захват власти может сопровождаться демонстративным присвоением признанных государственных и/или национальных символов власти либо их радикальным отрицанием и утверждением новой системы политических символов.

Функции мобилизации и легитимации основаны на резонировании символов с коллективным сознанием. Обращение к значимым символам является мощным инструментом оправдания целей и средств субъектов политического процесса и ресурсом мобилизации поддержки. Для исследователей революции необычайно важно, что в условиях ослабления правовой системы именно символы и ритуалы делают легитимным насилие в различных его формах. Не случайно, что В.П. Булдаков, сделавший предметом своего исследования революционное насилие, уделяет символам большое внимание¹⁸. Правовому упорядочению насилия предшествует его символическая легитимация.

Компенсаторная функция политических символов выражается в том, что символические изменения порой являются замещением и суррогатом насущных общественных и политических преобразований, особенно это актуально для тех случаев, когда на пути последних стоят существенные социальные и психологические барьеры. Так, порой власти пытаются укрепить свое положение, подменяя назревшие политические и социальные преобразования символическими действиями: например, они проводят акции по переименованию улиц и городов, откладывая при этом проведение назревших, но непопулярных и трудных реформ.

Наконец, следует выделить коммуникативную функцию символов как средства передачи информации. Многие важные идеологические тексты проникали в массовое сознание не только через их адаптированные версии посредством

¹⁷ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 22.

¹⁸ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 375 с.; 2-е изд., доп. М., 2010. 967 с.

политической агитации, но и с помощью соответствующих популярных символов. В этом смысле показательна история развития немецкого национализма, изученная с этой точки зрения Дж. Моссе¹⁹. Но для получения и понимания этой информации адресаты должны знать значения символов, должны уметь их «читать» и «переводить», должны их чувствовать и понимать. Нередки также случаи, когда символ воспринимается немалой частью аудитории совсем не так, как это планировали его создатели и распространители. Символы многозначны, поэтому они могут действовать как в интересах использующей их политической группы, так и против нее: «перевод» символов может быть совершенно неожиданным, им может быть приписано совершенно неожиданное значение.

В разные периоды в рамках политических циклов усиливается та или иная функция символов и интенсивность деятельности различных субъектов политического символотворчества. К числу последних можно отнести властные структуры, политические партии и общественные движения, частные лица и коммерческие организации. В разных ситуациях различна и роль средств массовой информации в процессах символических изменений.

Роль политических символов, апеллирующих не только к разуму, но и к эмоциям, возрастает в периоды глубоких социальных и культурных потрясений, которые провоцируют своеобразную архаизацию общественного сознания. В эти эпохи воскресают древние образцы синкретического восприятия символа, когда борьба за символы власти была важнейшим элементом борьбы за власть, когда символы власти порой и воспринимались как сама власть. Специалисты в области политической антропологии отмечают, что в периоды дезинтеграций возрождаются наиболее архаические формы проявления властных отношений, этот феномен получил название «архаического синдрома». В.П. Булдаков важнейшим элементом революции считает «бунт замаскированной архаики» в центрах урбанизации²⁰. Сфера рационального в такие периоды сужается, размывается, возрастает роль чувственно-эмоционального восприятия. Актуализируются архаические пласты человеческого мышления, для которых символ власти и сама власть — тождественные реалии.

В эпохи социальных революций напряженно идут поиски новых форм социальных связей, обеспечения социального единства на иной основе. Соответственно сознание этих периодов тяготеет к повышенной семиотичности, «знакомости»²¹, поэтому революцию нельзя понять без изучения политических символов эпохи. Однако речь должна идти не только об их собирании, изучении и классификации (что само по себе важно), исследователь должен выявить ту роль, которую они играли в политических процессах разного уров-

---

¹⁹ *Dresher S., Sabean D., Sharlin A.* Introduction: George Mosse and Political Symbolism // *Political Symbolism in Modern Europe: Essays in Honour of George L. Mosse.* New Brunswick; London, 1982. P. 1–15.

²⁰ *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 34. И на других страницах этой книги автор вновь возвращается к теме архаики в революции.

²¹ *Попов В.А.* Символы власти и власть символов // *Символы и атрибуты власти: Генезис. Семантика. Функции.* СПб., 1996. С. 13; *Кантор А.М.* Город и социальный кризис в России XVII века: Русский опыт социального единства // *Социальная история: Проблема синтеза.* М., 1994. С. 127.

ня. Это позволит использовать богатый материал, накопленный историками музыки и историками театра, специалистами в области геральдики, униформистики, фалеристики и других дисциплин, для изучения политической истории революции. Не только символы, но конфликты вокруг символов должны стать объектом исследования.

Отношение к символам и к конфликтам в сфере политической символики порой служит довольно важным индикатором влияния властных структур и других субъектов политического процесса. Изменения в системе господствующих символов отражают влияние сил, претендующих на власть. Иначе говоря, изучение меняющихся символов позволяет лучше проследить этапы и особенности борьбы за власть, помогает исследованию техники политической борьбы. Символы — важный инструмент борьбы за власть, а порой и автономный фактор, провоцирующий и организующий политические конфликты разного характера.

Наконец, историк должен реконструировать, «расшифровать» различные значения символов, которые порой весьма отличаются от современных их толкований. Изучение символов необходимо для исследования массового политического сознания революционных эпох, которое, как уже отмечалось, само становилось фактором власти.

Особый интерес представляет отношение к символам военнослужащих, ежедневная жизнь которых регламентируется всевозможными ритуалами. В подобных условиях даже самые аполитичные российские солдаты и матросы, в отличие от части штатских граждан, вынуждены были втягиваться в политику: они попросту не могли не выразить своего отношения к старым и новым военным символам и ритуалам, с которыми они сталкивались ежедневно. Тут не только определенные действия, но и бездействие людей в форме порой превращалось в явную политическую демонстрацию.

То же можно сказать и о службах российской Православной церкви — они неизбежно приобретали политическое значение. Чувство замешательства, возникшее в военной и религиозной среде, хорошо передает генерал А.И. Деникин: «Кого поминать на богослужении? Петь ли народный гимн и “спаси Господи люди твоя”?.. Эти кажущиеся мелочи вносили, однако, некоторое смущение в умы и нарушали сложившийся военный обиход»²².

Неверующий и штатский человек мог, казалось бы, оставаться аполитичным, но красные флаги и звуки «Марсельезы» настигали и его повсюду, требовали от него каких-то действий, а порой и против его воли втягивали во всевозможные конфликты.

Приступая к настоящему исследованию, автор стремился описать не только символы и их значения, но и те политические процессы Российской революции 1917 г., в которых символы играли важную роль.

---

²² Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии (Февраль — сентябрь 1917). М., 1991. С. 132.